

Гербовник как исторический текст

Образ геральдики как явления, существовавшего в обществе несколько столетий, включает в себя многочисленные традиционные представления, которые, мягко говоря, далеки от действительности.

Это касается ложных представлений о времени появления геральдики. Путаница связана с нечеткостью понимания герба и его смешивания с другими визуальными признаками, которыми изобилует история общества. Начиная с XVII в. труды по геральдике были переполнены рассказами о так называемой античной геральдике. В гербовниках Средневековья и Нового времени можно встретить гербы многих персонажей библейской и античной истории, истории Европы догеральдического периода. Но «воображаемая геральдика» – свидетельство не ранней геральдизации, а определенного этапа осознания феномена, свидетельство попыток, пусть не самых удачных, понять ее людьми Средневековья и Нового времени.

С трудностями объяснения причин и обстоятельств появления геральдики было связано мнение, впервые высказанное в XV в., о том, что геральдика возникла в результате использования закрытого горшковидного шлема (топхельма), скрывавшего лицо, затруднявшего узнавание противников и соратников в бою, что якобы и потребовало вынести на щит всяческие обозначения, цвета и фигуры. Оно опровергалось всеми исследовательскими результатами уже в начале XX в., но весьма живуче благодаря наглядности объяснения и его простоте. Гербы появились в особом, отличном от нашего, мире символической и визуальной культуры Средневековья как средство социальной, а не личностной идентификации, но однозначно сказать о причинах, побудивших конкретного воина избрать то или иное изображение при нынешнем состоянии наших знаний еще затруднительно. Существует целый комплекс мнений, суть которых в том, что рисунки в гербах рассказывают о своем владельце, что это своего рода

паспорт, позволяющий узнать о том, кто перед нами предстанет. Это отчасти верно для гербов ремесленников, для цеховых гербов, где действительно нередко появление инструментов данного ремесла. Однако и в гербах знати могут появиться изображения самых разнообразных предметов, связь которых с благородным сословием сегодня нам представляется странной; известны рыцарские гербы со снопами, серпами, ножницами, молотами, граблями и прочими предметами сельскохозяйственного обихода. Надо учитывать, что смысловая нагрузка изображения в гербе может исторически изменяться и далеко уходить от представлений своего времени. Другое дело, когда перед нами – гласный герб, воспроизводящий рисунком или цветом родовое имя владельца. Но и это не всегда легко понять, приходится учитывать регион бытования, регион происхождения и прочие обстоятельства. Распространенным является заблуждение, что любой герб – это шифр, энигма и его можно «расшифровать», прочесть. Надо учитывать время появления или бытования герба: средневековые гербы загадочны по-одному, а гербы Нового времени, которые действительно иногда специально составлялись в виде своего рода ребуса – по-другому. Кроме того, есть очень немногочисленные гербы с сознательными неправильностями, которые геральдисты прошлого, еще в XVII в. выделили в отдельный разряд гербов «для вопрошания»¹. Обычный пример подобных гербов – герб Годфруа Бульонского², рассказ о возникновении которого больше напоминает общеупотребительную, любимую герольдами времен позднего Средневековья легенду, чем действительную историю создания герба.

Герб может существовать и без всякого рисунка, только в виде его словесного эквивалента, так называемого блазона, например, в таких источниках, как в блазонные гер-

---

¹ Du Cange Ch. Des armoiries fausses ou pour enquerre et par occasion de celles de Hierusalem // Revue Nobiliaire. Nouv. Série. T. III. 1867. P. 492–501.

² Традиционный блазон герба короля Иерусалима Годфруа Бульонского – в серебряном поле костьльный золотой крест, сопровождаемый четырьмя крестиками того же металла, т. е. с нарушением запрета наложения металла на металл.

бовники XIII – XIV вв., в которых нет ни единого изображения. И донныне существует эта форма записи герба – блазон – несмотря на то, что сегодня никакой рационально объясняемой необходимости в этом нет.

Один из мифов настойчиво утверждает, что геральдика была присуща только привилегированному сословию, знати. В России, куда геральдика пришла в Новое время, это действительно обстояло именно так. Европейское Средневековье не знало сословных ограничений на обладание гербом; практически нет свидетельств правовых ограничений, которые запрещали бы иметь герб. Известны средневековые гербы ремесленников, торговцев, даже крестьян. Положение начало меняться в Новое время, и герб постепенно действительно стал атрибутом привилегированного сословия, но не ранее, чем в кон. XVI–XVII вв. И даже тогда большинство ограничений касались либо цвета поля, либо некоторых изображений, либо отдельных атрибутов герба и материалов их исполнения, вроде металла шлема, а не самого факта обладания гербом.

Нередко можно встретить уверенность в том, что герб обязательно даруется верховной властью, регистрируется, и только после этого может считаться полноправным гербом. Это не просто миф – это проблема, которая волновала геральдистов и обладателей гербов на протяжении столетий, потому, что это проблема не геральдическая, а проблема становления и усиления центральной власти, стремившейся поставить под контроль феодальную вольницу и в этом отношении. Со временем принцип государственного учета и регистрации гербов в официальной герольдии восторжествовал и стал наиболее распространенным, но, тем не менее, в ряде случаев обладание гербом по-прежнему не имело никакого отношения к верховной власти – это так называемые «природные» гербы.

Из теоретических трудов геральдистов в бесчисленные псевдоучебники перекочевало представление, что существовала некая дамская геральдика. В действительности представительницы женского пола пользовались обычной геральдикой своего рода, гербом отца или супруга, наряду со всеми. Отличия, достаточно поздние, возникали иногда на

уровне предпочитаемой ромбовидной формы щита, но и это не значит, что поместить герб в ромбовидный щит не мог мужчина или город, или целая область. Другое дело – позднее (как правило, не ранее 1500 г.) внешние элементы герба – вервия, узлы. Это же касается геральдики отдельных социальных или этнических групп.

Уверенность в том, что все гербы – разные, что у каждого человека свой герб, по принципу «один человек – один герб» – далека от отражения действительности. Разумеется, гербы отличаются, они для того и созданы, но проблема их совпадения известна с XIV в. – об этом писал еще Бартоло³; в те же времена в Англии проходил известный судебный процесс, предметом разбирательства которого было полное совпадение гербов разных родов. Есть не только близко похожие, с трудом различимые гербы, но и совершенно одинаковые, как личные, так и корпоративные – например, городские, совпадающие полностью, без каких-либо отличий – например состоящие только из одного цветного гербового поля. И принцип «один человек – один герб» существует только в старых учебниках по геральдике, а в действительности многие семьи обладали несколькими, совершенно разными гербами, когда, например, они были владельцами нескольких сеньорий. В репрезентативном изображении (на «конной» печати, в «конном» гербовнике) сеньор может представлять с одним гербом на знамени (как правило, гербом фьефа) и другим гербом на щите (родовым). И возможна ситуация, когда несколько кровно не связанных между собой семей пользуются одним (не случайно совпадающим, а именно одним) гербом, примеры чего существуют в Польше, в Италии.

Главное же из мифических представлений о геральдике – это представление о ее неизменности, уверенность в том, что она является собой некий застывший на века абсолюте. Геральдика – исторична, то есть изменчива в ходе времени и в процессе развития общества. Разумеется, исследовать ее изменения, метаморфозы ее связей со многими социальными, культурными, политическими процессами трудно. Но

---

³ Черных А.П. Трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» // Средние века. Вып. 52. М., 1989. С. 313–314.

если это удастся – со всеми остальными мифами разобраться будет гораздо проще.

Перечисление связанных с геральдикой заблуждений можно было бы и продолжить, но и сказанного достаточно. Я позволил его себе для того, чтобы подчеркнуть главное: чтобы не стать жертвой мифов, не оказаться в плену ложных представлений у историка есть одно главное средство – опираться на источник, в нашем случае – гербовник. Но для того, чтобы источник служил надежной опорой, следует отчетливо представлять себе его природу и возможности.

Попытки общей характеристики гербовников есть в ряде публикаций, в том числе и в нескольких моих статьях⁴. Гербовники – это собрания гербов, зафиксированные в различных формах (свитках, кодексах, предметах материальной культуры и прочих), известны как определенная категория источников (один из многих, хотя, возможно, традиционно наиболее известный), ярких, визуально образных, но не вполне понятно как именно применимых в процессе исторического исследования.

Сам термин «гербовник» в Средневековье не был известен, он появился в трудах геральдистов в XVII в. С XVII в., с того момента, как гербовники начали привлекать внимание как исторические источники и вплоть до XX в. практически отсутствовала их классификация. Попытки создать ее не были особенно успешными до середины XX в., когда Э. Уагнер предложил классифицировать их на основе принципа составления этих памятников. Он выявил пять основных типов: гербовники «по случаю», всеобщие, институциональные, упорядоченные и «вторичные»⁵. В XIII в. существовали гербовники только трех из них: «по случаю», все-

---

⁴ Pastoureau M. *Traité d'héraldique*. Paris, 1993. P. 222–230; *Les armoriaux: histoire héraldique, sociale et culturelle des armoriaux médiévaux*. Actes du colloque international «Les armoriaux médiévaux». Paris, 1997; Valverde Ogallar P.B. *Manuscritos y heráldica en el tránsito a la Modernidad: El Libro de Armería de Diego Hernández de Mendoza*. Madrid, 2001; Черных А.П. *Гербовники XIII века // Средние века*. Вып. 68 (2). М., 2007; Черных А.П. *Гербовники XIV века // Средние века*. Вып. 70 (1–2). М., 2009.

⁵ Wagner A.R. *A Catalogue of English Mediaeval Rolls of Arms*. London, 1950. P. XIII–XV.

общие и «вторичные»; в XIV в. при сохранении предыдущих добавились два новых типа: институциональные и упорядоченные.

Отдельная проблема геральдического источниковедения – «вторичные» гербовники, поскольку в этот тип включаются гербовники, происходящие из текстов, и гербовники, отраженные в архитектурных памятниках (стеновой Гербовник палатцо Даванцатти) и памятниках материальной культуры (ларец Св. Людовика 1236 г. с 37 гербами). Происходящие из текстов иногда именуется маргинальными, поскольку в некоторых случаях изображения гербов зафиксированы на полях рукописей или иллюстративными, когда текст сопровождается миниатюрами (например, Голландская хроника герольда Бавария, Гербовник рыцарей Круглого Стола или Гербовник Хроники Констанцкого собора Ульриха Рихенталя). Но сюда же относятся и блazoны гербов непосредственно в тексте. Создается устойчивое впечатление, что в своей классификации Э. Уагнер отнес ко «вторичным» все, не подходившие к первым четырем типам.

Но даже и в «устойчивых» типах не все однозначно. Например, всеобщие (или, как они еще именуется, универсальные) гербовники согласно классификации должны отражать некий универсум. Все именно так, если речь идет о большом гербовнике, вроде Вийнбергенского гербовника (1312 гербов), Гербовника герольда Вермандуа (1086 блazoнов), Гербовника Ле Бретон с его 940 гербами, Цюрихского гербовника с 450 щитами и 28 знаменами большей частью германской, но также и высшей европейской знати. Таков же Белленвильский гербовник, содержащий 1738 гербовых щитов европейской знати или Гербовник герольда Наварра, насчитывающий 1546 блazoнов гербов французской, фламандской и английской знати. На 124 листах Гельдернского гербовника изображены 1762 герба европейской знати; в Гербовнике д'Юрфе Жана Куртуа, одним из самых полных средневековых гербовников, представлены 2855 гербов знати всей Западной Европы. В Гербовнике герольда Бавария 1098 гербовых щитов, в Гербовнике Фенвика – 1035 гербов. Гербовник герольда Сицилия состоит из 1836 гербов с блazoнами, по большей части происходящих из французских обла-

стей, но включает гербы из Эно (117), Германии (51), Савойи (34), Англии (98), Шотландии (25). В Бергсхаммарском гербовнике 3397 гербов; в Гербовнике герольда Берри 1841 герб; в Гербовнике Конрада Грюненберга содержится около 2189 гербов, большинство со шлемовыми эмблемами. Конный гербовник Ле Нив состоит из 88 конных изображений и 2076 гербовых щитов. Линсенихский гербовник насчитывает 2836 гербов. В них действительно отразился средневековый мир, если и не в исчерпывающей, то, во всяком случае, в очень внушительной полноте. Добавлю, что в мир «универсума» гербовниками добавляется и вся воображаемая геральдика, как полноправная его часть⁶.

Всеобщий гербовник составлялся по тому же принципу, что и всемирная хроника. Как генеалогические книги включали современников в общую генеалогическую цепь, восходящую к библейской генеалогии и Священной истории, так и всеобщий гербовник, показывая весь мир, использовал тот же принцип включения частного в общее. Модель общего для христианской Европы известна – это Библия, а затем история человечества по Евсевию Кесарийскому, делимая на царства и возрасты мира. Во всеобщем гербовнике отражены и идеальный образ мира, и слепок с истории общества, и в этом сочетании высоких примеров и идеальных образцов с реальными – в результате находится и место для живущих, для исторических персонажей и родов. Поэтому роль воображаемой геральдики достаточно важна, без учета ее особенностей цезуру в последовательности визуализации не преодолеть.

А если это такие, тоже считающиеся всеобщими, гербовники, как Клипеариус Тевтоникорум с его 73 блазонами германской знати, или Файфский гербовник, содержащий 32 герба английских семей одной лишь шотландской области Файф? В Гербовнике Пови 82 гербовых щита представителей только английской знати; в Гербовнике Холлэнда 47 (94 в пространных копиях) рисованных герба английских родов. Гербовник Бэллиола – это 36 изображений гербов шотландской знати; Шестой гербовник Знати – 71 герб английских сеньоров; Гербовник Брюса – 30 шотландских гербов и фла-

---

⁶ Pastoureau M. Les Armoiries. Turnhout, 1976. P. 40.

гов. И так же обстоит дело и на континенте: Гербовник бальяжа Санлис содержит всего 21 герб вассалов бальяжа Санлис (Пикардия, Сев. Франция), Базельский гербовник состоит из 56 гербов, представляющих северную Швейцарию, Верхний Рейн, Швабию. Нельзя не согласиться с тем, что в данных случаях речь идет об «универсуме» более чем скромном.

При этом даже относительно большие гербовники подчас отражают гербы строго определенных регионов, упорядоченных по графствам. Это, например, Парламентский гербовник, 1113 гербов которого отражают гербы представителей высшей английской знати и рыцарства, Гербовник графств с 504 цветными изображениями гербов английской знати. Или Гербовник Гловера с 225 блазонами и гербами исключительно английских сеньоров? Не случайны поэтому постоянные попытки выделить их из типа универсальных и считать их региональными. Кстати, одно время часть этих гербовников именовалась «провинциальными», то есть составленными по гербовым провинциям.

При этом есть такие гербовники, как, например, Эрстенский гербовник, относительно небольшие, но в количественном отношении и не такие уж маленькие. На 42 листах он содержит 449 гербов и шлемовых эмблем европейской знати, которые происходят из Рейнской области, Эльзаса, Швабии, Франконии, Швейцарии. Но одновременно в нем представлены гербы и из Франции, Англии, Шотландии, Италии. Или же Гербовник Ганса Бургграфа, среди 600 гербов которого есть гербы не только Германии, но и Португалии, Сицилии, Австрии, Венгрии, Швеции, Хорватии и других стран.

Могут ли гербовники каждый в отдельности или в совокупности рассеять туман мифов, быстро и просто дать ответы на целый ряд вопросов? Однозначно нет, потому что гербовники сами по себе ставят перед исследователем новый их ряд. Об этом свидетельствуют даже приведенные немногочисленные примеры.

Одна из них таких проблем – причины, породившие гербовники. Известны по меньшей мере два пути возникновения гербовников – прагматический, то есть создание списков родовых имен за неимением другой формы их фиксации

(в большинстве своем это гербовники «по случаю»), и эстетический, когда совокупность изображений гербов стала считаться красивой и на этой основе начали складываться их комплексы (в Англии из разных гербов, а на Пиренейском полуострове из серий повторяющихся)⁷.

У всех гербовников есть проблемы датировок. Это связано не только с тем, что гербовники дополнялись на протяжении очень долгого времени, но и с тем, что многие дошли в копиях, или скорее версиях.

Но оставим в стороне целый ряд сложных и неоднозначных источниковедческих проблем, попробуем воспринять информацию этого источника, этого текста. Для этого желательно получить представление об адресате гербовника и цели (или целях) его составления. Мне уже приходилось писать о гербовниках как о своего рода способах фиксации участников определенных предприятий⁸. Размышляя о том, почему фиксация осуществлялась в такой, на первый взгляд, странной – геральдической – форме, нельзя упускать из виду того, что в XIII в. вряд ли была какая-либо другая возможность ее осуществить. Представителей мелкой и средней знати того времени с их повторяющимися христианскими и нехристианскими именами (как, впрочем, и представителей других социальных групп) было просто *нечем* больше идентифицировать, они различались лишь гербами. В XIV в. это стало продолжением традиции XIII в. и так далее. В этом смысле гербовник представляет собой не косвенное, а вполне прямое свидетельство⁹.

Но если говорить о прочтении гербовника как исторического текста, то нельзя не учитывать его структуру. Причем замечу сразу, что включение в список определялось не обладанием гербом. Алфавитного порядка в последовательности расположения гербов, которыми отмечены участ-

---

⁷ Menéndez Pidal F. *Leones y castillos. Emblemas heráldicos en España.* Madrid, 1999. P. 78, 80, 82, 140–145.

⁸ Черных А.П. Гербовники XIII–XIV вв. как памятники походов и путешествий // *Номо viator. Путешествие как историко-культурный феномен* / Под ред. А.В. Толстикова и И.Г. Галковой. М., 2010. С. 115–125.

⁹ Там же. С. 122.

ники того или иного списка, не наблюдается, но присутствует другая: сначала в гербовнике размещаются гербы лиц и сеньорий более высокого ранга, к этому высокому рангу нередко относятся и гербы воображаемой геральдики. Это общее правило, за исключением случаев, когда гербовник превращен в кодекс позднее, и листы сгруппированы позже. Даже на одном листе размеры изображения герба могут говорить об этой социокультурной иерархии, или на нее может указывать количество гербов, когда более мелкие персонажи изображаются более скромными по размерам гербами и их на листе – больше (характерный пример – Гербовник Армейру-Мор). В Белленвильском гербовнике герб основного сеньора – крупнее прочих, и расположен сверху листа; в Наваррском гербовнике герб короля расположен в центре, в окружении гербов двенадцати представителей наиболее значимых родов, а далее в гербовнике роды представлены равномерно по 4 герба на каждом листе.

Внутренняя иерархия расположения, вероятно, в большей степени связана с представлениями о значимости того или иного лица, или территории, которую он представлял (причем территории в понятии не чисто политико-географическом, а в пространстве средневековых представлений о ценности общности, ее древности, наличии суверенитета и т.п.). Даже в тех случаях, когда гербы участников сгруппированы по каким-либо территориальным единицам (историческим областям, сеньориям), сеньории, тем не менее, располагаются согласно иерархии, и внутри сеньорий их представители – также. Принцип перечисления в гербовниках отражает иерархию подчас более сложную, чем властная: гербы начинаются с наиболее важных и далее расположены по мере убывания социально-духовной значимости¹⁰. Разве это не может быть прочтением гербовника как исторического текста?

Цели создания гербовника этим не исчерпываются. Ответ на вопрос о причинах создания гербовников до настоящего времени не найден. В любом случае он вряд ли будет однозначным. Очевидно, что один из них – фиксация родовых имен, и в этом случае он ориентирован не только на со-

---

¹⁰ Там же. С. 123.

временников, но и на потомков. В фиксации герба в гербовнике заинтересован каждый представитель рода, делающий таким способом не столько герб, сколько род известным. А значение в Средние века категории известности (исп., франц., итал. *illustre* – славный, известный, по-русски – знатности) не нуждается в дополнительной защите.

Конечно, гербовники очень разнородны и, если, например, систематизированный гербовник представляет собой справочник, состоящий из рядов упорядоченных по изображениям гербов, то институциональный (или корпоративный) гербовник, как, например, Гербовничек корпорации булочников Люцерна, обозначает, подтверждает определенную общность и принадлежность к ней. В вопросе о заказчиках гербовника речь должна идти не столько об установлении конкретного лица, сколько об определении мотивов, побудивших к таковому действию. Если делают гербовник на заказ, тратят определенные средства, значит, считают это важным и нужным. Но в то же время он не был предназначен для публичного использования, к нему не было общего доступа, его мало кто видел. Смысл появления и существования гербовника лежит за его пределами и заключается в самом факте составления гербовника.

Сами по себе гербовники не фиксируют ни социальную, ни региональную принадлежность отраженных в них лиц, их родственные и вассальные связи, как правило, не отражены. Проверка гербовника с точки зрения вассальных связей была бы желательна, но сделать это в полной мере пока возможности нет. Нам интересен принцип отбора герба в гербовник, потому что предполагать, что в гербовник попала вся масса существовавших гербов, означает поддерживать безосновательные иллюзии. Этот вопрос вообще нельзя решить в пределах геральдического источника. Главное – в гербовник отбирался не герб, а социальный персонаж, визуализируемый этим гербом, но почему именно – сегодня нам неизвестно. Нередко этот персонаж нигде больше не зафиксирован и ответить на любой вопрос о нем, исходя только из изображения герба, соблазнительно, но, как правило, невозможно. Необходимы подтверждения и свидетельства печатей, упоминания в документах, наконец, нужна уверенность,

что это герб именно его, а не кого-либо другого. Изображение, то есть один только герб, мало в чем может помочь: родственных связей родов Кабрал, Кабрера, Капро и прочих Козловых, обладающих в гласных гербах одним и тем же изображением, проследить не удастся и, скорее всего, они отсутствуют.

Нельзя сказать, чтобы гербовники отражали гербы только знати, иногда они состояются из гербов сообществ, как корпоративные гербовники (Гербовник Гийома де Ревель, Гербовник сторонников герцога Бургундского и др.) или даже непривилегированных персонажей (Гербовник братства Сантьяго в Бургосе с гербами городского патрициата, городского милиционного братства). Известные гербовники не связаны с геральдикой этнических групп, поскольку их геральдика, а таковая существовала, находилась в общем эмблематическом пространстве. Эта включенность, пользование общей геральдикой, подразумевало не сужение, а расширение поля их действия. А внутри группы нужда в ней далеко не очевидна.

На примере Цюрихского гербовника, происходящего из района Боденского озера, видно, насколько непросто работать с таким источником, как гербовник. Надписи – лапидарны, это либо имя страны, либо родовое имя, их трудно назвать текстами. Вероятно, имеет смысл рассматривать сам гербовник как текст, целиком. Как текст самого герба – не литературный, не буквенный, хотя буквы и отдельные фразы в такой своего рода эпиграфике гербов встречаются, так и текст самого гербовника – не литературный, не документарный, не нарративный. Может быть анализировать его как памятник материальной культуры? Нет, этого также недостаточно. Это текст из области визуальной культуры, текст, повествующий об эмблематическом пространстве – важной составляющей части истории Средневековья и Нового времени.

При этом историку нет смысла превращаться в искусствоведа и анализировать гербовники стилистически. Историка интересует другое: как правило, то, что стоит за пределами гербовника и гербовником только отражается. Но и само изображение герба, когда гербы изображены рядом или склоненными друг к другу, не случайно, оно в принципе ин-

формативно, и имеет смысл попытаться увидеть в этом брачный или политический союз, соглашение, близость.

Как правило, изображения не блещут ни разнообразием, ни, само собой разумеется, реалистичностью. Попадая в герб, изображение предмета или животного начинает жить своей самостоятельной жизнью эмблемы, утрачивая всякую связь с реальными львами, лилиями и прочими представителями растительного, животного и предметного мира. В ранних гербовниках гербы просты, многопольные не встречаются. Четверочастный герб, заимствованный, вероятно, с Пиренейского полуострова, для всей остальной Европы – явление позднее, относящееся ко времени не ранее XIV в. На Пиренейском полуострове четверочастный вариант герба произошел из крестовой подписи, *signo godado*, где в полях, образуемых перекладинами креста, изображались повторяющиеся гласные фигуры, в частности, для Леона-Кастильской монархии – льва и замка.

Что касается методов работы, то с конкретными гербовниками надо работать в рамках страноведческой специализации, то есть использовать материал гербовника в работе по конкретной политической, социальной, культурной истории. Современные издания гербовников требуют максимально возможного раскрытия персонажей. Без знания языка гласные гербы выявить не удастся. Короче говоря, работать с гербовником следует как с нормальным источником, учитывая его особенности. Если пытаться анализировать гербовник вне контекста страны или региона – то исследователь довольно быстро очутится в тупике, поскольку ограничиваться рисунком нельзя. Геральдические источники должны если не подтверждаться, то, во всяком случае, сопрягаться с источниками другими, картинки должны проверяться нарративными текстами, документами, памятниками материальной культуры. Необходимо представлять себе социальную структуру региона, попытаться выявить иерархию, отраженную гербовником. Затем попытаться ответить на вопросы о том, как она соотносится с, допустим, историей знати этого региона – подтверждает ли она ее, противоречит ей, если противоречит, то в чем. А далее ставить перед собой вопросы о причинах несовпадений и прочие.

Особой проблемой, как ни странно, является сопряженность геральдического материала с генеалогическим. Построение генеалогий, сопровождаемых обязательными гербами, подобных генеалогическим древам Карла Великого или императора Генриха во Всемирной хронике Г. Шеделя 1493 г.¹¹, как мне представляется, могло бы дать возможность получения нового знания. Однако сам этот процесс, нельзя этого отрицать, является достаточно трудоемким, поскольку это сопровождение должно быть точным, основанным на источниках, а не на традиции и легендах.

Отельную тему составляет вопрос о бризурах, знаках ветвления рода, о чем я сейчас говорить не считаю возможным, хотя гербовник в ряде случаев позволяет говорить об этом: например, Гербовник герольда Наварра свидетельствует, что из 450 гербов представителей младших ветвей всего примерно 25 не имели бризур¹². К таковым же вопросам надо отнести и проблемы дарования герба. Степень зависимости вассала от сеньора могла быть отражена геральдически, и гербовник подчас демонстрирует это со всей очевидностью. Однако надо признать, что все эти случаи использования герба более высокого статуса, целиком или частично, несводимы исключительно к вассально-сеньориальным отношениям.

Некоторые поздние гербовники сопровождаются геральдическими трактатами, как бы предуведомляющими о содержании, но эти трактаты касаются лишь геральдической теории. В отдельных случаях гербовники являются приложениями к трактатам. Этот симбиоз связан с развитием представлений о почетном статусе гербовника, внедрявшихся гербовыми должностными лицами¹³.

Для герба высокого статуса больше возможностей сохраниться в истории, для низкого – меньше. Это создает

---

¹¹ Schedel H. *Weltchronik. Kolorierte Gesamtausgabe von 1493. Weltbild*, 2005. Bl. CLXXXVI verso; bl. CLXXXVI recto.

¹² Mathieu R. *Le système héraldique français*. Paris, 1946 P. 103.

¹³ Boudreau C. *Traité de blason et armoriaux: pédagogie et mémoire // Les armoriaux: histoire héraldique, sociale et culturelle des armoriaux médiévaux. Actes du colloque international «Les armoriaux médiévaux»*. Paris, 1997. P. 389.

определенные искажения, но картина эмблематического пространства Европы историческими исследованиями XX века сильно откорректирована и выглядит сегодня гораздо сложнее, чем представлялась историкам на рубеже XIX–XX вв. Пытаясь воссоздать адекватный образ определенной части исторического процесса, можно и должно использовать геральдический материал, отраженный, в том числе, и гербовниками. При этом очевидно, что наука движется от известному к неизвестному, поэтому в изучении гербовников, при всех успехах XX в.¹⁴, вопросов стало больше, чем прежде. Одной из проблем гербовников, процесс разрешения которой, несмотря на все успехи современных электронных возможностей, пока еще очень далек от завершения, является отсутствие общей базы гербовников и содержащихся в них гербов.

Следует признать, что гербовники отражают лишь небольшую часть эмблематического пространства Средневековья и Нового времени. В большинстве случаев в них не попали изобразительные девизы (исключение составляют Гербовник Уорвика-Роуза и отдельные изображения в некоторых других гербовниках), в существовании и активном бытовании которых нет никаких сомнений. В гербовниках, за редкими исключениями, не представлены гербы непривилегированных, многочисленные идентифицирующие знаки. Однако это не снижает их ценности в той области, в которой такой исторический текст как гербовник может дать историческую информацию, а именно в области исследования знати. При этом следует отметить, что этот материал очень редко привлекается даже в исследованиях, непосредственно посвященных истории знати. Поскольку гербовник – целостное образование существовавших в конкретном времени смыслов и кодов, постольку он, несмотря на то, что воспроизводит только часть эмблематического пространства времени, занимает особое место, возможно не столь отличное от других источников (достаточно вспомнить о тех вторичных гербовниках, которые, как совокупность всех гербов в кон-

---

¹⁴Galbreath D.L. *Manuel du Blason*. Lyon, 1942. P. 70, 321; Neubecker O. *Le grand livre de l'héraldique*. Paris-Bruxelles, 1995. P. 34.

кретном храме, могут представлять собой целые геральдические программы¹⁵).

Понимание гербовника как текста позволяет преодолеть абсолютизацию «лингвистического» подхода с его известным утверждением, что «вне текста не существует ничего», и нет «никакой внеязыковой реальности», которую историки способны понять и описать. С точки зрения формирования адекватной для определенного времени картины мира может ли вообще гербовник считаться историческим текстом? В действительности, не только гербовник, но любой исторический источник включает и невербальные виды коммуникации. Конечно, предмет исследования скорее задается текстами, чем внетекстовой реальностью, но реальность прошлого, существовавшая как объективный исторический процесс, понятый или не понятый нами, тем не менее, остается. Историческая реальность воплощается в исторических текстах, и в таком тексте как гербовник – также. Эмблематическая реальность существовала, пытаться понять ее и, соответственно, описать вербально, можно. Разумеется, всегда присутствует возможность многочисленных прочтений исследователями документа, но для того, чтобы исследовательские результаты не стали одной из многочисленных непроверяемых другими интерпретаций, существуют классические правила работы с источником, правила фиксации результатов исследования, аргументации и проч.

На какие-то вопросы гербовник отвечает, пусть и не напрямую, на какие-то принципиально отказывается их давать. Возможно, что гербовник представляет собой даже в большей степени исторический текст, чем, допустим, хроника, которая уже является интерпретацией событий со всеми сопутствующими интерпретации особенностями. Гербовник – непосредственный, условно говоря, «честный» слепок действительности; как источник, созданный людьми своего вре-

---

¹⁵ Mérimond C. de. Le roi René (1409–1480) : décoration de ses chapelles et demeures. Paris, 1981; Mérimond C. de. Le vitrail : une source de l'héraldique médiévale : l'exemple de la seconde maison d'Anjou // Sources de l'héraldique en Europe occidentale. Bruxelles, 1985. P. 104–128; Mérimond C. de. Le roi René et la seconde maison d'Anjou : emblématique, art, histoire. Paris, 1987.

мени и целиком находящийся в пространстве современной ему культуры. Гербовник – памятник эмблематического пространства; и насколько эмблематическое пространство оказывается составляющей общекультурного и социального пространства времени, настолько же и гербовник является одной из его частей.

Если исторический текст представляет собой фиксацию определенного социального и культурного опыта, то раскрыть смысл текста – это значит понять, какие именно представления сознательно или неосознанно вложил в него автор при его создании. Гербовник как текст – не пассивное образование, а, будучи выражен в определенной системе знаков, функционирующих в данном обществе, имел определенные функции и был способен к обслуживанию потребностей создающего этот текст общества, и, следовательно, предоставляет возможности для понимания этих потребностей и самого этого общества. Таким образом, место гербовника определяется его местом в системе социальной коммуникации данного общества. Наша задача – понять, что это за место и что это за функции.

Гербовник как любой исторический текст зависит от социального контекста, в котором он создается, и как целостный многоплановый феномен, реально существующий в определенном времени и определенном культурном пространстве, он сохраняет многообразные особенности своего времени и общества. Его расшифровка превращается в сложную систему общения историка с создателями этого текста и его обществом. Разумеется, гербовник занимает свое место в иерархии типов текстов, но возможно, что через гербовник, который актуализирует скрытые аспекты своей кодирующей системы, мы (если, как писал М.М. Бахтин, одна культура может задавать другой и новые вопросы¹⁶) можем попытаться реконструировать закодированную в нем систему ценностей, и непонятное по отдельности может оказаться намного понятнее вместе.

В то же время сам по себе гербовник – не прямой текст, подобный нарративному источнику, а скорее зеркало. Причем странное, как если бы зеркало давало отражение ча-

---

¹⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 335.

стичное, выборочное по неизвестному принципу – либо только здоровые или только больные части лица, или только теплые его тона, или бы отказывалось отражать биоматерию, а отражало бы только одежду и аксессуары. Каждое из изображений уводит исследователя в визуальную культуру Средневековья, а затем Нового времени, с этой общей приверженностью визуальной культуре связана и визуализация конкретного рода. Эта визуальная культура не пребывает неизменной, но исследование ее, с использованием, в частности, гербовника, дает возможность уловить разницу между временами, что, собственно, составляет цель исторического исследования. В любом случае гербовник – только указание направления, не итог, а путь. Для XIII–XIV вв. это путь в рамках узкорегиональных исследований, а начиная с XV в. – транснациональных и общеевропейских.